

Стратегия речевой дискредитации: репертуар тактик и приемов (из опыта экспертной работы)

В. П. Засыпкин¹, Т. А. Сироткина², С. С. Захарченко³

Сургутский государственный педагогический университет

50 лет ВЛКСМ, 10/2, 628400, Сургут, Россия. E-mail: ¹zasipkin06@mail.ru, ²sirotkina71@mail.ru, ³svetlana_driga@mail.ru

Статья посвящена исследованию репертуара прямых и косвенных тактик, позволяющих реализовать речевую стратегию дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности; дискредитации исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан. Материал исследования – видеофайлы, фотоизображения, скриншоты социальных сетей, содержащие признаки дискредитации. В работе использованы методы дискурс-анализа, семантического анализа, мотивационно-целевого анализа. Анализ позволил выявить типичный набор тактик для реализации стратегии, позволяющий лингвисту-эксперту квалифицировать высказывания как дискредитирующие.

Ключевые слова: стратегия речевой дискредитации, репертуар тактик, прямые/косвенные тактики.

Speech Strategies of Defamation (Based upon Experience of Forensic Linguists)

V. P. Zasyupkin¹, T. A. Sirotkina², S. S. Zakharchenko³

Surgut State Pedagogical University

10/2, 50 Let VLKSM St. 628400, Surgut, Russia. E-mail: ¹zasipkin06@mail.ru, ²sirotkina71@mail.ru, ³svetlana_driga@mail.ru

The article considers the repertoire of direct and indirect speech tactics applied to implement strategy of defamation of the Armed Forces of the Russian Federation employed to defend Russian Federation's interests and its citizens' interests, support international peace and safety; defamation of Russian government authorities executing defense of Russian Federation's interests and its citizens' interests. The material of research – video files, pictures, screenshots of the social nets, containing the signs of defamation. The method of discourse analysis, semantic analysis, motivation and target analysis are used in the research. The typical set of speech tactics of defamation strategy was revealed. The set is a certain basis for a linguist to qualify utterances as defamatory.

Key words: defamation strategy, repertoire of speech tactics, direct and indirect speech tactics.

Речевая стратегия дискредитации в силу конкретных политических событий, происходящих в стране и мире последние полгода, становится предметом лингвистических исследований и экспертиз во многих российских регионах, и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра не является исключением. Коллектив лингвистов-исследователей нашего вуза, осуществляя системную работу по подготовке заключений по результатам проводимых лингвистических исследований/экспертиз, отмечает, что доля материалов по вопросам дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации, в целом Российского государства, президента РФ, поступающих на исследование последние 7 месяцев, составляет примерно треть.

В настоящей статье обозначены основные тактики и приемы, на наш взгляд, являющиеся типичными для реализации обозначенной в качестве предмета публикации стратегии, независимо от типа дискурса, к которому может быть отнесен исследуемый материал.

Понятие «стратегия» было заимствовано лингвистикой из военной науки для анализа современной политической коммуникации [Хабекирова 2011]. Материалы исследований, которые легли в основу статьи, к политическому дискурсу относятся имеют лишь косвенное, политика становится предметом, темой анализируемых нами продуктов речевой деятельности. Как правило, мы имеем дело с дискурсом бытовым.

По мнению О. С. Иссерс, «социальные отношения, политическая ситуация, групповые и общественные интересы находят отражение в языке, в частности в конструировании модели мира, желательной говорящему» [Иссерс 1997]. Язык обладает такими интерпретационными возможностями, которые позволяют планировать речевое воздействие. Сущность речевого воздействия заключается в таком использовании языка, при котором в модель мира реципиента (слушателя, читателя) «вводятся новые знания и модифицируются уже имеющиеся» [Баранов 1989: 12]. Язык является инструментом социальной власти [Блакар 1987]. Осуществление «социальной власти» предполагает, что за языковым выражением всегда стоят какие-либо интересы, цели, чья-то точка зрения. Эти интересы определяют коммуникативные цели дискурса. Вслед за М. А. Сиворакша мы убеждены, что стратегия речевой дискредитации может реализовываться «не только в области политической риторики», но и «в условиях повседневного диалогического общения» [Сиворакша 2007].

Если в рамках дискурса политического основной коммуникативной установкой адресанта при реализации стратегии речевой дискредитации является «понижение авторитета противников» [Карякин 2009], то в рамках дискурса бытового, с учетом стратегии речевой дискредитации, коммуникативной интенцией адресанта, как правило, становится:

1. **Создание отрицательного образа президента РФ – В. В. Путина**, его действий по использованию Вооруженных сил РФ на территории Украины, подрыв его авторитета; порождение сомнений в правильности его действий – манипуляция сознанием граждан (например, горожан, если речь идет о плакатах, надписях на фасадах зданий города; пользователей сети, если они являются подписчиками адресанта).
2. **Подрыв авторитета России / российских солдат**, участвующих в военных действиях на территории Украины; **порождение сомнений в правильности их действий – манипуляция сознанием «российских патриотов»;**
3. **Создание в сознании «российских патриотов» образа «Правой Украины / украинских граждан / украинской армии».**

Под «дискредитацией» мы понимаем действия, направленные на подрыв авторитета, имиджа и доверия к кому-либо, умаление его достоинства и авторитета. Сама по себе дискредитация, разумеется, включает не только речевые действия: подрывать доверие может обнародование каких-либо негативных фактов или мнения, действия против кого-либо, сигнализирующие о недоверии (прямо или косвенно), и т. д. Нас же интересуют речевые действия, цель которых – подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо.

В методическом письме «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации» с опорой на тексты соответствующих законов определены следующие типы экстремистских значений, которые необходимо выявить в данном случае:

- 1) дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности;
- 2) дискредитация исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности;
- 3) побуждение (в том числе в форме призыва) к воспрепятствованию использования Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях.

Н. Б. Руженцева, понимая под тактикой достаточно крупную коммуникативную единицу (конкретную методику, схему действия), считает, что дискредитирующие тактики можно классифицировать, основываясь на типе информации, содержащейся в них, как прямые и косвенные [Руженцева 2004].

Взяв за основу этот принцип, рассмотрим, с помощью каких тактик может быть реализована стратегия речевой дискредитации. Основываясь на массиве данных, имеющихся у нас в рамках подготовки данного доклада, заметим, что преобладающими становятся прямые тактики, в основе которых содержится открытая вербальная (словесная) форма информации (когда сведения даны в виде отдельного высказывания или цепочки взаимосвязанных высказываний), носящая как фактологический, обобщающий, так и оценочный характер.

Примерами открытой дискредитирующей информации могут служить высказывания респондентов о событиях специальной военной операции на территории Украины, зафиксированные в ряде исследованных нами видеофайлов, фотоизображений (скриншоты из социальных сетей).

Одной из ключевых становится 1) тактика обвинения, в частности президента РФ в создании неблагоприятной для России ситуации, создание отрицательного образа не только самого президента, но и последствий происходящего:

«Правительство Р**и хочет ухудшить своим действием жизнь простых граждан. На нас уже наложены санкции, от нас уже отказываются множество стран, с которыми мы сотрудничаем. Мы могли бы дальше сотрудничать и продолжать жить, но, к сожалению, этого не получается сделать из-за того, как наш президент и верхушка ведут себя в чужой стране»; «Я, не смотря не то, что официальная позиция говорит о том, что это спецоперация, расцениваю это как **военное вторжение**. По сути – **война**, потому что никто не ждал и не ожидал этого. Мы понимали, что они могут войти в ДНР и ЛНР, занять позиции, создать линию разграничения, чтобы просто больше там не было обстрелов. Если **там Р***ая армия, то как бы чревато**. Но то, что случилось, оно повергло в шок меня, всех кого я знаю, **это наступление, со всех сторон**, которые возможно, в том числе и со стороны Белоруссии».

В высказываниях «Пу*** нас убивает везде»; «Все президенты что сейчас правят мрази бездушные, фашисты и враги народа!»; «Всегда верил что нашей страной управляет антихрист» создается отрицательный образ власти в целом, президента РФ в частности.

Примером обвиняющей тактики могут стать высказывания – репрезентации речевого акта призыва, например. Так, призыв «*Будьте сильными, объединяйтесь против узурпатора в кремле, против диктата и произвола действующей власти*» содержит номинацию «узурпатор», приписываемую президенту РФ, в основе которой – глаголы с отрицательной, деструктивной семантикой: «захватывать», «хватать», сочетающиеся с наречием «незаконно». Ярко выраженная негативная окраска номинации «узурпатор» составляет основной смысл ее употребления – адресант «обвиняет» президента РФ в «незаконном захвате власти».

Обнаруживается большое количество высказываний, реализующих коммуникативную установку адресанта посредством 2) тактики нагнетания отрицательного, отрицательные факты «нанизываются» авторами высказываний один на другой: «*Зачем он положил уже 500 человек своих? Зачем? Не знаем...да ну его на хрен*»; «*Я считаю, это очень плохо. Конечно, нельзя мирных граждан убивать, стрелять...Это катастрофа*»; «*Что сделал наш народ с теми, кто нес нам НЕМЕЦКИЙ МИР? Ты хочешь, чтобы с нашими сыновьями так поступили, которых послали туда нести РУССКИЙ МИР?*».

Примером реализации стратегии дискредитации посредством тактики нагнетания – создания отрицательного образа происходящего в Украине конфликта может служить высказывание пользователя «А.К.» социальной сети «*Правильно, нам тоже пропагандируют такую правду!!! А иначе, зачем у наших солдат забрали средства связи? Родные не знают, что с ними. Представьте состояние родителей?!!!*». Образ ситуации, «пропагандируемый» на территории РФ, по мнению автора, пользователя «А.К.», не соответствует действительности. Эффект нагнетания усиливается использованием знаков препинания – восклицательного, вопросительного, подчеркивающих эмоциональность автора.

Тактика нагнетания обнаруживается и в высказывании, в котором образ «будущего» очерчен с использованием конструкций будущего времени, форм будущего времени глагола «быть», часто в сочетании с отрицательной частицей «НЕ»: «*ЛЮДИ ОЧНИТЕСЬ! ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ!!! Когда погибнут десятки тысяч ЛЮДЕЙ, будет уже поздно! Тогда их будет уже не вернуть!!!!!!.....*».

В приведенном ниже высказывании автор использует тактику нагнетания отрицательного, например отрицательных фактов: «*Вас заставляют друг друга убивать те, кто планировал эту войну более девяти лет!!! После они стреляли в обе стороны, чтобы получился конфликт! А далее 8-мь лет промывали мозги!!! А люди стреляли в друг друга, думая, что стреляют в нацистов! И В планы тех, кто спланировать эту войну, не входили жизни людей!!! Ими руководила жажда наживы!!!*». Информация по своему типу – фактологическая, представлена набором утвердительных предложений, безапелляционных суждений автора о конкретной ситуации, конкретных действиях, выраженных глаголами с отрицательной, деструктивной семантикой, например «заставляют убивать», «стреляли», «промывали мозги». В характеристике совершенных, по мнению автора, высказываний, действий использованы номинации «война», «жажда наживы» – слова с ярко выраженной негативной окраской, обозначающие антиобщественную деятельность. Субъект действий вербально в представленных высказываниях не обозначен. Однако предикативные конструкции, выраженные глаголами множественного числа прошедшего, настоящего времени («заставляют убивать», «стреляли», «промывали мозги», «заставляют») приписывают обозначенные действия группе лиц, имеющей власть.

Представленный на исследование материал содержит атрибуты с отрицательной семантикой, приписываемые народу – гражданам Российской Федерации. По мнению адресанта, пользователя «Р.М.», причина, которая находит прямое вербальное выражение в высказывании – власть: «*Наш народ втоптали в грязь, уничтожили его душу, сделали его трусливым и молчаливым быдлом забывшим свои корни*». Адресант использует атрибуты с отрицательной семантикой («трусливое, молчаливое быдло» (о народе)), глаголы с прямой негативной оценкой, слова, означающие негативные действия, приписываемые власти: «*Наш народ втоптали в грязь, уничтожили его душу*». Часто эффект нагнетания усиливается графически, посредством использования знаков препинания, подчеркивающих эмоциональность автора.

Пользователями социальных сетей активно используется в рамках рассматриваемой нами речевой стратегии 3) тактика «умаляющего» сравнения. Так, например, в основе видеоряда или высказываний в анализируемых нами материалах фиксируется идея сопоставления действий президента РФ, его политики с действиями, идеологией нацистской Германии времен 1939–1945 гг.

В ряде креолизованных текстов в исследуемых материалах символ «Z» (ставший военным после ввода российских войск на территорию Украины) трансформируется в фашистскую свастику, что ставит их в один синонимический ряд. Усиливает идею сопоставления и звуковое сопровождение видеоряда – песня на немецком языке «*Марш*

окупантов». Аналогичная идея сопоставления обнаруживается в эпизоде, связанном с демонстрацией фотоизображений: фотографии разрушенных зданий, сопровождающиеся надписями «Харьков 1943», «Харьков 2022»; «Киев 1943», «Киев 2022».

Конструированию отрицательного образа президента РФ способствует использование в исследуемых материалах графических изображений. Примером может служить такой выделительный креолизованный текст: вербальный (словесный ряд) – «Putin=Hitler», где равнозначность имен, категорий маркирована знаком «равно». «Подчеркнуто» «равенство» рядом визуальным: фотомонтаж – коллаж – изображение Путина с «нанесенными» на фото узнаваемыми чертами лица Гитлера.

Зачастую в материалах, реализующих стратегию речевой дискредитации, нами обнаруживается использование адресантом 4) тактики «навешивания» ярлыков. Примером реализации тактики «навешивания» ярлыков становится высказывание «у наших солдат забрали средства связи», где «ярлык» – безапелляционное суждение, выраженное в форме утверждения о факте.

Тактика «навешивания» ярлыков реализована в следующих высказываниях: «Вот это издеваются только наши, уничтожая типо огневые точки противника и стратегические объекты...»; «ЭКОНОМИКЕ ПИ***Ц ЗАТО ПУ*** МОЛОДЕЦ»; «ПУ*** ЛЮБИТ ВОЕВАТЬ НА НАРОД ЕМУ НАСРАТЬ»; «ВО** СКУЧНО ВОРОВАТЬ СТАЛ НАШ ВО** ВОЕВАТЬ»; «ПУ*** ГАД НАС ТАЩИТ В АД»; «ВО** НАЧАЛ ВДРУГ ВОЙНУ ПОЛОЖИВ ХЕР НА СТРАНУ». Высказывания содержат «ярлыки» – безапелляционные суждения, выраженные в форме утверждений о фактах. Ярлык мы понимаем как некий символ, образ, приписываемый объекту.

Фигурирующие в высказываниях-примерах глаголы, обозначающие действия российской армии, действия президента РФ, имеют деструктивную семантику, транслируют оценочное авторское суждение «В. В. Путин ведет страну в «никуда»; идею о том, что В. В. Путин равнодушен к судьбе страны и т. д. В основе высказываний женская рифма (ударение на предпоследней гласной рифмованных слов). Использование адресантом рифмы как ключевого приема построения высказываний способствует их быстрому запоминанию и точному воспроизведению адресатом – ретрансляции.

Н. Б. Руженцева отмечает, что тактика «навешивания ярлыков» в большинстве случаев «реализуется посредством использования инвективной или близкой к инвективной лексики, то есть таких слов и выражений, которые содержат в своей семантике экспликацию намерения унижить, оскорбить, опозорить другого человека» [Руженцева 2004]. Эта тенденция ярко просматривается в приведенных нами примерах, демонстрирующих эту тактику.

В качестве маркера реализации речевой дискредитации можно обозначить и 5) использование метафор (фразеологизмов) с негативной оценочностью. Например, в высказывании пользователя социальной сети «*Похоже здесь уместна поговорка: – Кровь за кровь, смерть, за смерть!!! Ну как бы вы не считали себя праведными – нацизм, нацизмом не искоренить... Люди одумайтесь!!! Вас заставляют друг друга убивать те, кто планировал эту войну более девяти лет!!! После они стреляли в обе стороны, чтобы получился конфликт! А далее 8-мь лет промывали мозги!!!*» приписываемое субъекту автором высказываний действие «промывали мозги» содержит глагол с осуждающей семантикой, имеющий прямую негативную оценку; использованное жаргонное словосочетание синонимично литературному «обманывать, вводить в заблуждение».

Среди выделенных нами косвенных тактик, типичных для реализации стратегии речевой дискредитации, мы обозначили намек и тактику маскировки.

Основу косвенных тактик составляют а) пресуппозитивная (затекстовая) форма информации и б) подтекстовая форма – когда информация не содержится в самом тексте, но легко «извлекается» из него читателем или слушателем.

Начнем с тактики 1) намек. Примером дискредитирующей информации может служить высказывание одного из пользователей социальной сети «ВКонтакте»: «*Ро***ие солдаты не занимаются мародерством, а стиральные машины, ковры и унитазы с собачьими будками – просто привезли с собой, чтобы отправить домой белорусской почтой*». В высказывании фиксируется намек на «противоречие здравому смыслу» (совокупности общепринятых, часто неосознанных способов объяснения и оценки наблюдаемых явлений внешнего и внутреннего мира), затекстовая форма информации во второй части предложения содержит намек на абсурдность ситуации, НЕ позволяет адресату воспринять смысловое содержание первой части как истинное, напротив, содержит идею, смысл, который адресант пытается донести до пользователей: «Само по себе высказывание» – просто абсурд, ведь очевидно, что «*стиральные машины, ковры и унитазы с собачьими будками*» они явно не привезли с собой, это следствие устроенного ими мародерства.

Скрытый смысл, неявный смысл, открывающийся реципиенту текста не сразу, содержится и в следующем примере: «*Люди, которые были убиты – сами себя связывали и стреляли в затылок, у украинцев это в крови – убивать себя и своих*». Пользователь сети намекает адресату (транслирует имплицитно): «*это невозможно*», «*этому нельзя верить*» и т. п.

Поскольку представленные высказывания принадлежат одному автору, принимая во внимание его коммуникативную установку, намек как ключевую тактику, высказывание в примере «*Ро***я не врет, поэтому ввела уголовное наказание за распространение любой информации о войне, закрыла все оппозиционные каналы и СМИ, соцсети*» следует трактовать не иначе как «Россия врет, иначе зачем бы она (Россия – метонимия к «власть») вводила уголовное наказание, закрывала оппозиционные каналы и СМИ». Субъектом действия в данном высказывании выступает «Россия». Используемая номинация – метонимия к номинации «власть», предикат, действие, приписываемое имплицитно адресантом субъекту – «врет» – глагол, означающий социально осуждаемую

деятельность, свидетельствуют о неуважении автора высказывания к субъекту высказывания – органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации.

Бесспорно, ключевой интенцией пользователя, его коммуникативным намерением становится подрыв авторитета России / российских солдат; порождение сомнений в правильности их действий – манипуляция сознанием «российских патриотов»; создание в их («российских патриотов») сознании образа «Правой Украины».

В ряде случаев используется также 2) тактика маскировки содержательных элементов текста. При использовании тактики маскировки в тексте присутствует так называемая «криптолалическая коммуникативная установка» [Дорони́на 2015]. Именно она наблюдается в случае написания выражения, представленного в качестве следующего примера: «Н*Т В***Е».

Таким образом, для реализации стратегии речевой дискредитации используется определенный репертуар (набор) речевых тактик, в основе классификации которых – тип содержащейся в них информации. Среди ключевых прямых тактик – тактики обвинения, создание отрицательного образа последствий – нагнетание отрицательного, например отрицательных фактов. Типичным является применение тактик не прямых оскорблений, навешивание ярлыков, использование умаляющих сравнений. Достижению цели способствует использование метафор с негативной оценочностью. В числе выделенных нами косвенных тактик, способствующих реализации стратегии речевой дискредитации, – намеки и тактика маскировки.

Безусловно, описание дискредитирующих тактик, представленное в рамках настоящей статьи, не является исчерпывающим, наши наблюдения основаны на исследовании конкретных материалов за достаточно небольшой период времени. Тем не менее знания о типичном наборе тактик для реализации стратегии речевой дискредитации позволяют анализировать проблемные материалы, квалифицировать высказывания как дискредитирующие.

Литература

- Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход). М., 1989.
- Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. М., 2013.
- Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Язык и моделирование социального взаимодействия. – 1987. – С. 88-125.
- Дорони́на С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам / Политическая лингвистика. – 2015. – № 3 (53). – С. 245-249.
- Иссерс О. С. Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации / Вестник Омского университета. – 1997. – №2. – URL: <https://omsu.ru:8443/vestnik/articles/y1997-i2/a051/article.html>
- Карякин А. В. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2009. – №2. – С. 163-167.
- Методическое письмо «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации». М., 2022.
- Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Монография. – Екатеринбург, 2004.
- Сиворакша М. А. Дискредитация как разновидность конфликтного общения / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – № 44. – С. 452-457.
- Хабекирова З. С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции / Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – №2. – С. 138-144.

References

- Baranov, A. N. (1989). Linguistic theory of argumentation (cognitive approach). Moscow (in Russian).
- Baranov, A. N. (2013). Forensic linguistics of the text: theoretical basis and practice. Moscow (in Russian).
- Blakar, R. M. (1987). Language as an instrument of social power. Language and modelling of social interaction, 88–125 (in Russian).
- Doronina, S. V. (2015). «Let's agree commander!»: the methods of discourse analysis in the linguistic examination of corruption speech crimes. Political Linguistics, 3 (53), 245-249 (in Russian).
- Issers, O. S. (1997). Pasha-«Mercedes», or discredit speech strategy. Bulletin of Omsk University. Available from: <https://omsu.ru:8443/vestnik/articles/y1997-i2/a051/article.html> (in Russian).
- Karyakin, A. K. (2009). Discredit strategy as a way of speech aggression's realization. Bulletin of Volgograd University, 2, 163-167 (in Russian).
- Khabekirova, Z. S. (2011). Discredit strategy and ways of its realization in a political discourse of democratic opposition. The Bulletin of Adyghe State University, the series "Philology and the Arts", 2, 138-144 (in Russian).
- Methodical letter "Of the features of complex psychological and linguistic expertise of the informative materials connected with public discredit of the Armed Forces of the Russian Federation" (2022). Moscow (in Russian).
- Ruzhentseva, N. B. (2004). Discredit tactics in Russian political discourse: a monograph. Yekaterinburg (in Russian).

Sivoracksha, M. A. (2007). Discreditation as a way of conflict interaction. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 44, 452-457 (in Russian).

Citation:

Засыпкин В. П., Сироткина Т. А., Захарченко С. С. Стратегия речевой дискредитации: репертуар тактик и приемов (из опыта экспертной работы) // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 130-135.

Zasyrkin V. P., Sirotkina T. A., Zakharchenko S. S. (2023). Speech Strategies of Defamation (Based upon Experience of Forensic Linguists). *Legal Linguistics*, 27, 130-135.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
